

Программа для социологии спорта

1983

Выступление перед группой студентов «Физическая жизнь и игры» в ноябре 1980 года и на открытии VIII симпозиума «Спорт, социальные классы и субкультура» в Париже в июле 1983 года.

Часть препятствий на пути научной социологии спорта связана с тем, что социологи, исследующие спорт, оказываются как бы в двойной зависимости: и в социологическом мире, и в спортивном. Поскольку раскрытие этого несколько резкого положения может быть слишком долгим, то, по образу пророков, я буду действовать «по параболе». Из беседы с одним из моих старых друзей, американским социологом Аароном Сикурелем, я понял, что великие чёрные атлеты, которые в Соединённых Штатах Америки, слишком часто «прикованы» к большим университетам, как, например, университету Стэнфорда, живут в своего рода позолочённых гетто, поскольку правые не очень охотно разговаривают с чёрными, а левые не желают говорить со спортсменами. Если поразмыслить по этому поводу, раскрывая далее формулу, то, может быть, здесь мы найдём исток тех особых трудностей, которые встречает социология спорта, то есть пренебрежительного отношения со стороны социологов и презрения со стороны спортсменов. Логика социального разделения труда стремится воспроизвестись в разделении научного труда. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, людей, очень хорошо знакомых со спортом на практике, но не умеющих говорить о нём, а с другой — людей очень плохо знакомых со спортом практически, которые могут говорить о нём, но пренебрегают им заниматься или делают это кое-как.

Чтобы социология спорта могла существовать, прежде всего нужно заметить, что следует анализировать не отдельный вид спорта в отрыве от совокупности спортивных практик, но пространство всех видов спорта как систему, каждый элемент которой получает различное значение. Иначе говоря, чтобы понять какой бы то ни было вид спорта, нужно определить позицию, занимаемую им в пространстве всех видов спорта. Такое пространство может быть сконструировано исходя из совокупности индикаторов, таких как, с одной стороны, распределение занимающихся каким-то видом спорта по их позиции в социальном пространстве, распределение разных федераций по числу их членов, богатству, социальным характеристикам руководителей и тому подобное, а с другой стороны — по типу отношения к телу, которого требует данный вид спорта или которому он способствует, в зависимости от того, подразумевается ли непосредственный контакт «в захвате» как в классической борьбе или регби, или, напротив, такой контакт исключается, как в гольфе, допускается только посредством мяча, как в теннисе, или посредством инструмента, как в фехтовании.

Вслед за этим нужно установить связь пространства видов спорта с отображающимся в нём социальным пространством, что необходимо во избежание ошибок, связанных с установлением прямой связи, которую подсказывает обыденная интуиция, между одним видом спорта и одной группой. В самом деле, складывающееся сегодня особое отношение между борьбой и «народными» классами или айкидо и мелкой буржуазией чувствуется с самого начала. Такого рода вещи улавливаются очень быстро. Работа социолога заключается в том, чтобы выявить социально существенные свойства для установления родства между отдельным спортом и интересами, вкусами, предпочтениями определённой социальной категории.

Так, например, в случае классической борьбы, как хорошо показал Жан-Поль Клеман, значение борьбы в захвате, усиленного обнажённым телом противников, выводится из телесного контакта, сурового и прямого, в то время как в айкидо этот контакт кратковременный и дистанцированный, а борьба на полу исключается. Мы так легко понимаем смысл противопоставления между классической борьбой и айкидо потому, что оппозиция между «низменным», «мужественным», «рукопашным», «прямым» и «воздушным», «лёгким», «дистанцированным», «грациозным» выходит за границы области спорта и этих двух видов борьбы. Короче говоря, элементы, детерминирующие систему предпочтений здесь являются отношением к телу, к вовлечению тела, ассоциирующегося с социальной позицией, с первоначальным опытом физического и социального мира. Это отношение к телу зависит от всего отношения к миру: наиболее дистанцирующие практики есть те, что обеспечивают наиболее удалённое отношение к противнику; наиболее эстетизированные — в той мере, в какой насилие в них более кратковременно, а форма и формы одерживают верх над силой и функцией. Социальная дистанция переводится очень хорошо в логику спорта. Так, гольф повсюду устанавливает дистанцию: на взгляд тех, кто им не занимается, с помощью специально отведённого пространства, гармонично обустроенного, на котором происходят спортивные занятия, а на взгляд противников — с помощью самой логики конфронтации, которая исключает какой-либо прямой контакт, но допускает его лишь через посредство мяча.

Если удовлетворяться этим, то можно даже дойти до реалистского и субстанциалистского видения мира, каждого вида спорта и соответствующей совокупности занимающихся им и отношений между ними. Как я попытался показать на открытии VII Конгресса HISPA, нужно остерегаться установления прямой связи, как я только что сделал, между одним видом спорта и одной социальной позицией: между борьбой или футболом и рабочими, дзюдо и служащими. Не окажется ли при нетрудной проверке, что рабочие — далеко не самая представительная категория среди футболистов? На деле соотношение, которое является настоящей гомологией, устанавливается между пространством спортивных практик, точнее, искусно проанализированных различных Форм занятий отдельными видами спорта, и пространством социальных позиций. Свойства, присущие каждой спортивной практике, определяются именно этим отношением между двумя пространствами. И даже изменения практик могут пониматься лишь в этой логике, в той мере, в какой один из детерминирующих их факторов является стремлением поддержать на уровне практик существующие расхождения между позициями. Принимая в расчёт систематические изменения, вызванные, например, появлением нового вида спорта (калифорнийские виды спорта) или распространение существующего вида спорта (к примеру, тенниса), история

спортивных занятий может быть только структурной историей.

Замечу в скобках: одна из трудностей анализа спортивных практик заключается в том, что номинальная единица (теннис, лыжи, футбол), которая фиксируется статистикой (включая самую лучшую и самую свежую, как статистика Министерства культурных дел), маскирует дисперсию более или менее сильную в зависимости от вида спорта, а также способы заниматься им. Дисперсия возрастает, когда увеличение числа занимающихся данным видом спорта (что может быть следствием одной лишь интенсификации занятий категорий, которые уже им занимаются) сопровождается социальной диверсификацией занимающихся. Это случай тенниса, за номинальной единицей которого кроется то, что под одним и тем же названием существуют различные способы заниматься им — настолько же различные, насколько могут отличаться по своему порядку гонка на лыжах без трассы, прогулка на лыжах и горные лыжи. Так, теннис в маленьких муниципальных клубах, когда занимаются в джинсах и кроссовках «Адидас» на жёстком покрытии, имеет очень мало общего с теннисом в белом костюме и плиссированной юбочке, что было правилом двадцать лет назад и что воспроизводится в клубах для избранных (можно было бы найти ещё целый универсум различий на уровне стиля игроков, их отношения к соревнованию, тренировкам и так далее).

Одним словом, приоритетом приоритетов является построение структуры пространства видов спорта, эффекты от которого будут регистрироваться в исследованиях, посвящённых отдельным видам спорта. Если бы я не знал, что возмущения на Уране детерминированы Нептуном, то думал бы, что уловил нечто, происходящее на Уране, в то время как в действительности улавливал бы эффекты Нептуна. Предмет истории — это история таких трансформаций структуры, которые становятся понятными лишь благодаря знанию того, чем была данная структура в некий определённый момент (и, следовательно, противопоставление между структурой и изменением, между статическим и динамическим совершенно ложно, а изменение нельзя понять иначе, как исходя из знания структуры). Это первый пункт.

Второй пункт: пространство видов спорта не есть мир, замкнутый в себе самом. Оно включено в мир практик и потребления, в свою очередь структурированный и конституированный в систему. Имеются все основания рассматривать виды спортивной практики как относительно автономное пространство, но не следует забывать, что оно является местом сил, приложимых не только к нему одному. Просто я хочу сказать, что нельзя изучать спортивное потребление, если можно так выразиться, независимо от продуктового потребления или досугового потребления в целом. Спортивные практики, регистрируемые статистическим анкетным опросом, могут быть описаны как результирующие отношения между спросом и предложением, точнее, между пространством предлагаемых в данный момент продуктов и пространством склонностей (ассоциирующихся с занимаемой позицией в социальном пространстве и способных отображаться в других потреблении в связи с другим пространством предложения).

Когда мы размышляем в структурной логике, в чьих границах определена каждая из практик, чем должна быть конкретная научная практика? Разве работа исследователя заключается только в том, чтобы очертить это пространство, опираясь, например, на

распределение борцов, боксеров, регбистов и других по полу, возрасту, профессии? Такие структурные рамки действительно могут на какое-то время оставаться намеченными в общем виде, в соответствии с общими данными доступной статистики и, главным образом, с границами этих данных и кодами, по которым они были построены.

В этом состоит очень общий методический принцип — чем довольствоваться глубоким знанием маленького участка действительности, о которой не слишком много известно, лучше поставить перед собой вопрос: как размещён в пространстве этот вырванный из неё участок, и что может дать его функционирование в этой позиции? Рискую нарушить позитивистские настроения, которые, к слову сказать, все вроде бы подтверждает («лучше внести маленький вклад, скромный и точный, чем выстраивать большие и поверхностные конструкции»), стоит, по примеру академических архитекторов, которые представляют карандашный эскиз строительного ансамбля, показывая внутри него детально разработанную часть, постараться составить краткое описание ансамбля рассматриваемого пространства.

Эти предварительные рамки, как бы они ни были несовершенны, указывают, по меньшей мере, что их надо заполнить и что эмпирические операции, направляемые этими рамками, будут участвовать в их заполнении. Тем не менее, данные операции радикально различаются, даже по своему замыслу, от того, что могло бы делаться в отсутствие подобных рамок, служащих условием адекватной конструкции объектов отдельного эмпирического исследования. Такая теоретическая схема (здесь — идея пространства видов спорта, в другом случае — понятие поля власти), даже если большая её часть останется незаполненной и даже если она доставляет в основном программные предупреждения и направления, заставляет меня выбирать объекты иначе и позволяет максимизировать результативность исследований. Например, если у меня нет возможности рассмотреть более трёх видов спорта, но я представляю себе пространство видов спорта и имею гипотезы относительно осей, по которым построено это пространство, я смогу найти способ максимизировать результативность моих научных инвестиций, выбрав три сильно удалённых точки в этом пространстве. Или же, как это сделал, к примеру, Жан-Поль Клеман, смогу выбрать для изучения подпространство этого пространства (виды спортивной борьбы) и в этих масштабах сделать исследование структурных эффектов, принимая классическую борьбу, дзюдо и айкидо как три точки одного и того же субполя сил. Я смогу без риска потеряться в деталях заняться тщательным разбором борьбы, что кажется мне условием самой научной работы: делать видеосъемку, хронометраж (сколько времени борцов проводят лёжа на полу в классической борьбе, дзюдо, айкидо), короче, я смогу измерить всё, что можно измерить, но исходя из конструкции, определяющей выбор объектов и подходящих характеристик.

Я осознаю, что из-за лимита времени, все, о чём только что сказал, может показаться со стороны немного резким, категорическим и, возможно, противоречивым. Тем не менее, я считаю, что дал достаточно указаний на то, что реален метод, направленный на установление диалектики между общим и особенным, которая одна может позволить примирить глобальное и синоптическое видение, требуемое построением структуры ансамбля, с видением идиографическим, приближённым. Антагонизм между макросоциологическим видением и микроскопическим видением микросоциологии, или

между конструированием объективных структур и описанием субъективных представлений агентов, их практических построений, как и все оппозиции в форме «эпистемологических пар» (между теорией и эмпирией, например), исчезает с того момента, как удаётся — что мне представляется искусством исследователя *par excellence*, — инвестировать теоретическую проблему большой важности в эмпирический объект, хорошо выстроенный по отношению к общему пространству, в котором он располагается) и освоенный доступными средствами, то есть, при необходимости, отдельно взятым исследователем, не имеющим кредитов, редуцированным к своей собственной рабочей силе.

Но нужно устранить видимость объективистского реализма, которую может создать моё упоминание «структурных рамок», понимаемых как предварительные в эмпирическом анализе. Я не устаю повторять, что структуры суть не что иное, как объективированные продукты исторической борьбы, которые можно уловить в данный момент времени. Мир спортивных практик, снимаемый статистической анкетой в данный момент времени, есть только результирующая отношений между предложением, Произведённым всей предшествующей историей — совокупностью «моделей» практики (правил, оборудования, специализированных институций и так далее) и спросом, входящим в диспозиции. Предложение само по себе, в том виде, в каком оно предстаёт в данный момент времени, то есть в форме совокупности видов спорта, которыми можно заниматься (или смотреть) уже является результатом длинной серии отношений между моделями практики и склонностями к ней. Например, Кристиан Посиело хорошо показал, что программа телесных практик, описываемая словом «регби», в 1930-е, 1950-е и в 1980-е годы отличается, хотя по своему формальному и техническому определению остаётся той же самой, с незначительными изменениями правил. Программа телесных практик отмечена и в действительности, и в представлениях, присвоениями, объектом которых она является, и спецификациями (например, «насилием»), которые она получает при конкретной «реализации», осуществляемой агентами, наделёнными диспозициями, социально конституированными в особую форму. Этот результат социального присвоения приводит к тому, что в любой момент каждая из «реальностей», предлагаемых в виде спорта, отмечена в действительности совокупностью свойств, не входящих в собственно техническое определение данного спорта, которые могут даже официально из него исключаться, но направляют практики и выбор (помимо прочего, давая объективное основание суждениям типа «это мелкобуржуазно» или «это для высоколобых» и тому подобное).

Таким образом, дифференцированное распределение спортивных практик является результатом установления связи между двумя гомологичными пространствами: пространством возможных практик — предложением, и пространством склонности к определённой практике — спросом. Со стороны предложения имеется пространство видов спорта, понимаемых как программы спортивных практик, характеризующихся прежде всего своими техническими свойствами (в частности, возможностями, а главным образом, невозможностями, предлагаемыми этими практиками для выражения различных телесных склонностей). Во вторую очередь, эти программы характеризуются своими соотносительными, структурными свойствами, определяемыми по отношению к совокупности предлагаемых одновременно других программ спортивных практик, которые находят полное осуществление в данный период только при условии получения ими свойств присвоения, придаваемых им, как в действительности, так и в представлениях,

доминирующей ассоциацией с позицией в социальном пространстве (через «модальных» участников). Со стороны спроса мы имеем пространство спортивных склонностей, которые в качестве одного из измерений системы диспозиций (габитуса) характеризуются соотносительно и структурно также, как корреспондирующие с ними позиции, и чьи специфические особенности определяются существующим на данный момент состоянием предложения (которое участвует в производстве потребностей, предоставляя действенные возможности их удовлетворения) и удовлетворением предложения в предшествующем состоянии. Именно в этом состоит, я считаю, наиболее общая модель, управляющая самыми различными практиками потребления. И именно так можно увидеть, как Вивальди после двадцатилетнего перерыва обрёл полностью противоположное социальное звучание, пройдя путь от «нового открытия» его музыковедами до статуса музыкального фона, звучащего в универсамах «Monoprix».

Даже если верно, что какой-либо спорт, музыкальное произведение или философский текст, исходя из их существенных свойств, определяют границы своего социального назначения, они, тем не менее, претендуют на разнообразие использования и во все времена несут метки доминирующего типа применения, которое ему находят. Автор-философ, например, пишущий о Канте или Спинозе, никогда не сводит истину, которую он предлагает восприятию, к внутренней истине произведения, но соединяет в его социальной истине наиболее распространённые трактовки, данные кантианцами или спинозианцами предшествующего периода, поскольку те сами определены по их объективному или субъективному отношению к кантианцам и спинозианцам предшествующего периода и к их трактовкам, а также к инициаторам и защитникам других философских течений. Как раз на этот неделимый комплекс, каким является Кант, присвоенный кантианцами, проецирующими на него (а не только на его работы) свои социальные свойства, реагирует Хайдеггер, когда противопоставляет Канта-метафизика, почти экзистенциалиста (с его темой конечности) Канту-космополиту, универсалисту, рационалисту, прогрессисту у неокантианцев.

Должно быть, вы спрашиваете себя, к чему я веду. В самом деле, так же, как социальный смысл философского труда может быть извращён (и большинство работ Декарта, Канта или даже Маркса без конца меняли свой смысл, с каждым вновь приходящим поколением комментаторов, менявших трактовку предыдущего поколения), так и спортивная практика, которая в своём техническом, «внутреннем» определении показывает всегда большую растяжимость, а следовательно, большую доступность к совершенно различному и даже противоположному использованию, тоже может менять смысл. Точнее, может изменяться доминирующий социальный смысл, приписываемый доминирующими (в численном или социальном отношении) социальными пользователями. Действительно, часто случается, что в один и тот же момент — это верно также для философского произведения — спорт получает два очень различных смысла, и что объективированная программа спортивной практики, обозначаемая термином «бег» или «плавание», или же «теннис», «регби», «классическая борьба», «дзюдо» — даже из-за своей объективной полисемии и частичной недетерминированности, которая делает её доступной для множественного использования — является ставкой в борьбе между людьми, находящимися в оппозиции по вопросу верного использования, хорошего применения, хорошего способа заниматься практикой, предлагаемой объективированной программой рассматриваемой практики (или в случае

философского или музыкального произведения — объективированной программой трактовки или выполнения).

Спорт в чём-то сходен с музыкальным произведением: есть партитура (правила игры и тому подобное), но ещё и конкурирующая интерпретация (и целый ансамбль накопившихся прошлых интерпретаций), которому противостоит каждый новый интерпретатор, в большей мере неосознанно, чем сознательно, когда предлагает «свою» интерпретацию. Нужно проанализировать эту логику «возвратов» (к Канту, к старинным инструментам, к французскому боксу)... Я говорил, что доминирующий смысл может меняться: фактически именно потому, что он определяется в оппозиции этому доминирующему смыслу, новый смысл спортивной практики может строиться с элементами доминирующей программы спортивной практики, оставленной в состоянии возможного, имплицитного или отброшенного (например, всякое насилие, которое было исключено из спорта согласно императиву *fair play*). Принцип таких изменений, который нельзя понять из одной только логики различения, без сомнения, заключается в реакции новичков и в социально сложившихся диспозициях, которые они привносят в поле вопреки социально обозначенному комплексу, конституирующему спорт или философское произведение как объективированную программу практики, но реализованную, инкарнированную социально в агентах, отмеченных социально, а следовательно, отмеченную социальными характеристиками своих агентов, эффектом присвоения.

Если при синхронном видении та или другая из этих программ, что обозначаются названием спорт (борьба, фехтование, теннис) или собственным именем философа или композитора, или названием жанра, оперой, опереттой, городским театром, или же стилем, реализмом, символизмом и прочая, кажется напрямую связанной с диспозициями, свойственными занимающим определённую социальную позицию (это, например, связь между классической борьбой или регби и доминируемыми), то при диахронном видении можно прийти к различному представлению» как если бы один и тот же предлагаемый объект мог быть присвоен агентами, имеющими очень различные диспозиции, короче говоря, как если бы любой мог присваивать себе любую программу или же любая программа могла бы быть присвоена любым агентом. (Такой здоровый «релятивизм» имеет своим достоинством по меньшей мере то, что он предостерегает от тенденции, применяемой в истории искусства, устанавливать прямую связь между социальной позицией и эстетической позицией. Например, когда устанавливают прямую связь между «реализмом» и доминируемыми слоями, то упускают, что одни и те же диспозиции при соотнесении, с разными пространствами предложения могут выражаться в различных позициях — точках зрения.)

Семантическая растяжимость никогда не бывает действительно беспредельной (достаточно подумать о гольфе или о классической борьбе), а, главное, выбор между различными предлагаемыми возможностями не бывает в любой момент случайным. Даже если в очень ограниченном пространстве возможного (например, молодой Маркс против зрелого Маркса) связь между диспозициями и позициями-точками зрения не очень понятна, она не случайна: диспозиции, которые в более открытых и менее кодифицированных универсумах могут продемонстрировать непосредственно структуру потребностей, должны в случае ограниченного пространства возможного довольствоваться негативными выборами или паллиативами. Можно сказать, я считаю, что диспозиции, связанные с различными

позициями в социальном пространстве и, в частности, структурно противоположные диспозиции, связанные с противоположными позициями в этом пространстве, всегда находят средство для самовыражения, но иногда в неузнаваемой форме специфических оппозиций, незначительных и невоспринимаемых, если не обладать адекватными категориями перцепции, организующими определённое поле в данный момент. Не запрещается думать, что одни и те же диспозиции, которые направили Хайдеггера к «революционно-консервативным» формам мышления, могли бы при соотнесении с другим пространством «философского» предложения привести его к «молодому Марксу». Или думать, что тот же самый человек (но он не был бы тем же самым), который сегодня находит в айкидо способ уйти от дзюдо, от того, что в нём есть объективно узковатого, от соревновательного, мелкобуржуазного (я говорю, конечно, о дзюдо социально адаптированном) требовал бы почти того же самого тридцать лет назад от самого дзюдо.

Я хотел бы ещё коснуться, хотя бы слегка, целой программы исследований, заключающейся в идее, постепенно укоренявшейся в поле профессионалов производства спортивных средств и услуг (например, спортивных шоу), внутри которого развивались особые интересы, связанные с конкуренцией, специфические распределения сил и так далее. Я удовлетворюсь упоминанием одного среди прочих результата становления такого относительно автономного поля, а именно постоянным увеличением разрыва между профессионалами и любителями, который вдет в паре с развитием спорта-шоу, полностью отделившегося от обычного спорта. Примечательно то, что сходный процесс наблюдается и в других областях, например, в танце. В этих двух случаях постепенное конституирование относительно автономного поля, предназначенного для профессионалов, сопровождается обделением непрофессионалов, мало-помалу приводимых к роли зрителей. В противоположность деревенскому танцу, часто сочетающемуся с ритуальными функциями, дворцовый танец, который превращается в спектакль, предполагает специфические знания (нужно знать такт и движения), следовательно, учителя танцев должны были ставить акцент на технической виртуозности и осуществлять операции эксплицирования и кодификации; а, начиная с XIX века, появляется ремесло танцора, которое показывают в салонах перед людьми, умеющими танцевать и способными также дать оценку знатока; затем, в конце концов, наступает полный разрыв между танцорами-звёздами и нетанцующими зрителями, дошедшими до пассивного понимания. С этого времени эволюция профессиональной практики зависит всё более и более от внутренней логики поля профессионалов, а непрофессионалы, будучи оттеснёнными в ряды публики, всё менее и менее способны к пониманию, даваемому практикой. В спорте так бывает, в лучшем случае часто, когда профессионалы выступают перед любителями, занимавшимися спортом в настоящем или прошлом; но распространение спорта, которому способствует телевидение, вводит всё больше зрителей, лишённых какой-либо практической компетентности и внимательных лишь к внешним аспектам практики: результат, победа и другое. А это, через посредство санкций (денежных или других) влечёт за собой эффекты присутствия публики, в функционировании самого поля профессионалов (как желание победы любой ценой, и с ней, помимо прочего, рост насилия).

На этом я заканчиваю, поскольку отведённое мне время практически истекло. В нескольких словах коснусь последнего пункта. В самом начале я затронул следствия разделения труда между теоретиками и практиками внутри научного поля. Я думаю, что спорт, так же, как и

танец, это область, в которой с особой остротой стоит проблема отношений между теорией и практикой. Некоторые преподаватели физического воспитания пробовали проанализировать, чем является, например, для тренера или для преподавателя музыки управление телом. Как заставить понять кого-то, точнее, его тело, как можно исправить какой-то жест? Телесная практика ставит перед преподаванием проблемы, содержащие, мне кажется, совокупность теоретических вопросов нарастающей значимости, по мере того, как социальные науки стремятся создать теорию поведенческих актов, которые продуцируются в большинстве случаев независимо от сознания и которым научаются посредством молчаливой, практической коммуникации, «от тела к телу», если можно так выразиться. И спортивная педагогика, может быть, является областью *par excellence*, чтобы поставить проблему, которую обычно ставят в области политики, то есть проблему осознания. Существуют совершенно особые способы понимания, часто забываемые теориями умственной деятельности, например, понимание с помощью тела. Есть масса вещей, понимаемых нами только посредством нашего тела, независимо от сознания, без единого обращённого к нему слова. Молчание спортсменов, о которых я говорил вначале, поддерживается отчасти тем, что, не будучи профессионалами объяснения, они не знают, как об этом сказать, и спортивные практики относятся к таким, где понимание «телесно». Очень часто тренер может только сказать: «Смотри и делай, как я».

Неоднократно замечено, что книги, написанные очень знаменитыми танцорами, не передают почти ничего из того, что составляет «гениальность» их автора. Эдвин Денби, размышляя о Теофиле Готье или о Маларме, говорил, что наиболее обоснованные заметки о танце написаны не танцорами или критиками, а образованными любителями. Это понятно, если знать, что танец — единственное научное искусство, трансмиссия которого: от танцоров к публике, а также от учителя к ученику, полностью устная и зрительная, точнее, мимическая. Причина в отсутствии какой-либо объективации в адекватном письменном изложении (отсутствие эквивалента партитуры, позволяющей ясно отличать партию от её исполнения, ведёт к идентификации произведения с его совершенством, танца — с танцором). Можно в этой перспективе попробовать рассмотреть то, что было следствиями, как в танце, так и в спорте, введения видеозаписи. Один из возможных вопросов: узнать, нужно ли в этом случае пользоваться словами, чтобы сделать понятными телу определённые вещи; способствуют ли слова, которыми говорят с телом, теоретически и научно точные, лучшему пониманию телом, или же они порой не имеют ничего общего с адекватным описанием того, что хотят передать, и не являются для тела более понятными.

Размышляя над таким пониманием тела, можно было бы внести определённый вклад в теорию веры. Вы, возможно, подумаете, что я перескакиваю семимильными шагами. Мне кажется, что есть связь между телом и тем, что французы называют «дух тела». Если большое число организаций: будь то Церковь, армия, партии, индустриальные предприятия и так далее, уделяют так много внимания дисциплине тела, то потому, что в значительной мере подчинение идёт от веры, а вера является тем, что тело принимает даже и тогда, когда разум говорит «нет», (в этой логике можно было бы поразмышлять над понятием «дисциплина»). Возможно, размышляя как раз над тем, что есть в спорте наиболее специфического — о регламентированной манипуляции телом, над тем, что спорт, как и все дисциплины во всех тотальных или тоталитарных учреждениях: монастырях, тюрьмах, психиатрических лечебницах, партиях и другое, — это способ получить от тела выполнение

того, что разум может отвергать, мы можем достичь лучшего понимания того обычая, что большинство тоталитарных режимов развивают спорт. Телесная дисциплина является инструментом *par excellence* для разного рода «приручения»: известно, например, какое значение в иезуитском воспитании имел танец. Следует проанализировать диалектическую связь, соединяющую телесные позы и соответствующие чувства: усвоить определённые положения или определённые позы означает, как известно со времён Паскаля, наводить или усиливать чувства, ими выражаемые. Согласно парадоксу комедианта или танцора, жест усиливает чувство, которое усиливает жест. Этим объясняется место, отводимое всеми режимами тоталитарного типа коллективным телесным практикам, которые, символизируя социальное, вносят свой вклад в его «соматизацию» и которые через телесный и коллективный мимесис социальной организации имеют целью усиление этой организации. «История солдата» напоминает о старой народной традиции: заставить кого-то плясать — значит им обладать. «Упражнения духа» суть телесные упражнения, а многочисленные современные тренировки суть форма доступа к вечности.

Я очень сильно ощущаю противоречие между тем, что хочу сказать и условиями, в которых это говорю. Нужно было бы, чтобы я привёл совершенно чёткий пример и его развил. Боюсь, что из-за спешки, ограничивающей моё выступление, у вас может возникнуть впечатление, что я представил большие теоретические перспективы, тогда как мне хотелось совершенно обратного.

Версия #1

Зверобой создал 18 января 2026 04:24:16

Зверобой обновил 18 января 2026 04:25:02